

ВИЗАНТИЙ
И ВИЗАНТИЯ

ПРОВИНЦИАЛИЗМ
СТОЛИЦЫ
И СТОЛИЧНОСТЬ
ПРОВИНЦИИ

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4
В 428

Рецензенты:

доктор исторических наук *Т. В. Куц*
доктор исторических наук *Р. М. Шукуров*

В 428 Византий и Византия: провинциализм столицы и столичность провинции / под ред. А. Виноградова, С. Иванова. – СПб.: Алетейя, 2020. – 306 с.: ил.

ISBN 978-5-00165-031-7

Сборник «Византий и Византия: столичность провинции и провинциальность столицы» посвящен проблеме взаимоотношений и взаимовлияний Константинополя и византийских провинций и составлен на основе докладов одноименной конференции 2017 г. В сборнике представлены работы ведущих мировых исследователей из России, Германии, Великобритании, Италии, Греции и Турции. Статьи сборника затрагивают вопросы политической истории, архитектуры, живописи, литературы, топографии и др. Предназначен для специалистов по Византии и всех интересующихся Средневековьем.

Byzantion and Byzantium: the provincialism of the center and the centrality of the provinces / Ed. by S. Ivanov and A. Vinogradov. – Saint-Petersburg: Aletheia, 2020. – 000 p.: ill.

This volume contains papers from the conference with same title organized by the Centre of Medieval Studies of the National Research University Higher School of Economics, October 23—27, 2017, Moscow. To us Byzantium looks like a tadpole with an overgrown head; but was Constantinople the only source of all cultural impulses in the Empire? How did the provinces influence the life of the megapolis on the Bosphorus? The papers of the conference attempt to look simultaneously at two oppositely directed processes: the spread of metropolitan fashions to the periphery, and the emergence of the provincial traits in the capital itself.

На передней стороне обложки: Парэкклисий в монастыре св. Иоанна в Акаллисе (Ликия). Фото Ф. Нивёнера.

На задней стороне обложки: Пророк из Вознесения.
Мозаика Св. Софии в Салониках. Фото Р. В. Новикова.

ISBN 978-5-00165-031-7

9

785001650317

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4

© Коллектив авторов, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

Оглавление

Пол Магдалино

Каппадокия и Константинополь в VI в.
(пер. О. Керзиной, А. Ляхович, Н. Сергеевой)..... 10

Альбрехт Бергер

«Переработка» Константинополя
(пер. С. Матюниной, М. Пономаревой)..... 25

Халюк Четинкая

Погребальные компартименты в монастыре Пантократора 47

Филипп Нивенер

Христианское искусство как провинциальное.
«Центральность» провинциальных традиций
в раннехристианских церковных постройках
(пер. М. Володарского, Д. Ерофеевой, М. Журавлевой,
А. Торрес-Горбенко)..... 57

Андрей Виноградов

Афонский храм или арабский дворец? Крестово-купольный
триконх и новая архитектурная идентичность империи 91

Михалис Каппас

Архитектурный «идиолект» Фессалоники
в средне- и поздневизантийские периоды:
сходства и различия с Константинополем
(пер. В. Махмутова, И. Орловой, А. Старцевой)127

Анна Захарова

Искусство X века: Константинополь и Каппадокия 154

Толга Уяр

Рельефы, росписи и надписи в поздневизантийском
сакральном пространстве: новое открытие
Безирана Килисе (Перистрема, Каппадокия)
(пер. А. Вотевой, Н. Пелезневой, Е. Плотниковой)175

<i>Сергей Иванов</i>	
Антоний Новгородец и его экскурсовод в Константинополе	203
<i>Беатриче Даскас</i>	
«Venetia hebbe principio per la destrution della grande Trogia». Миф о венеции как <i>Alterum Byzantium</i>	236
<i>Дмитрий Черноглазов</i>	
Письмовники и собрания образцовых писем: эпистолярная теория в эпоху Палеологов	250
Резюме	282
Summaries	289
Список иллюстраций	295

Предисловие

Заглавие сборника «Византий и Византия: провинциализм столицы и столичность провинции», как и тема одноименной конференции, которая проходила 24–25 октября 2017 года в Лаборатории медиевистических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Москве, может на первый взгляд показаться парадоксальной.

Византия — это условное название, принятое в Новое Время для обозначения грекоязычной Восточноримской Империи периода Средневековья. Сами «византийцы» свою страну никогда так не называли. Византием именовался античный город, выбранный в начале IV в. императором Константином Великим в качестве новой столицы и окрещенный Константинополем. Итак, слово «Византий» вроде бы не подходит для обозначения средневековой империи ни по географическим, ни по хронологическим параметрам.

И все-таки перед нами — не просто ученое недоразумение.

Прежде всего, константинопольские интеллектуалы, обожавшие античную стилизацию, и сами иногда именовали свой город Византием, да и вся византийская культура жила, словно обернувшись лицом назад. Интересный опыт обобщения такого подхода к городскому прошлому представляет собой статья Альбрехта Бергера. Прослеживая случаи вторичного использования старых строительных

материалов при возведении новых построек в Константинополе, автор раскрывает возможные идеологические коннотации этой вынужденной практики.

Другая причина, почему имена страны и города совпали, состоит в том, что нет в истории другого примера, когда столица до такой степени подминала бы под себя собственную страну, заставляя ее даже ассоциироваться с собой. Роль Константинополя в жизни Византии нельзя сравнить даже с ролью Рима в древнеримской истории: античная Империя была страной полисов, каждый из которых жил как самодовлеющая вселенная. А централизованная Византия, особенно после утраты в VII в. Антиохии и Александрии и в VIII в. Рима, вся целиком вращалась вокруг собственной столицы. К примеру, в IX в. даже во втором по величине городе Империи, Фессалонике, Константину Философу, будущему просветителю славян, не у кого было учиться — за учебой пришлось ехать в столицу. И по мере того как территория Византии скукоживалась — роль Константинополя только возрастала. Интересно взглянуть на то, как воплощалась в архитектуре столицы имперская идея, и об этом — статья Халюка Четинкая. Автор подводит итоги многолетних реставрационных изысканий в одном из самых величественных храмовых комплексов XII в. — Пантократоре и выдвигает оригинальную концепцию того, как выглядела находившаяся там усыпальница династии Комнинов, конструировавших новую имперскую идентичность столицы.

Царьград был центром притяжения не только для Империи, но и для стран византийского круга. Паломники шли сюда, словно в Святую землю. Статья Сергей Иванова посвящена первому из древнерусских «хождений» — «отчету» Антония Новгородца. Недавнее первое критическое издание этого выдающегося памятника позволяет совершенно по-новому ставить вопрос о соотношении паломнического взгляда на Царьград — и того имиджа столицы, который создавал у новгородского «туриста» византийский экскурсовод.

В круг имперского влияния входила и Венеция. Тому, как Византия вплеталась в идеологический дискурс республики св. Марка в период ее наивысшего могущества, посвящена работа Беатриче Даскас. Если на ранних этапах скалдывания венецианской политической мифологии важно было подчеркивать (вопреки фактам) независимость от Империи, то позднее показалось выигрышнее выводить историю Серениссимы из Трои и тем самым привязывать ее к византийской, но уже с тонами превосходства.

Впрочем, данный сборник посвящен не только и даже не в первую очередь собственно Константинополю. Скорее, главный упор в нем сделан как раз том аспекте, который часто остается в тени — самостоятельной жизни византийской провинции. Кажется, что роль столицы невозможно преувеличить — и однако она неизбежно преувеличивается в глазах исследователей, просто потому, что подавляющее большинство литературных текстов, дошедших до нас, произведено в Константинополе. Византий неизбежно и автоматически принимается за точку отсчета при любом разговоре о Византии. Но остальная империя все-таки жила своей жизнью, и подчас это провинция управляла столицей, на что обращает внимание в своей статье Пол Магдалино. На примере императора Маврикия, каппадокийца по происхождению, автор демонстрирует, как провинциальная элита делает столичную карьеру благодаря успехам своих земляков, и как элита константинопольская этим недовольна.

Дмитрий Черноглазов в своей статье прослеживает, как эволюционировали византийские письмовники: от сборника риторических упражнений, восходящего к Либанию, великому сыну Антиохии, к константинопольскому эвистоллярному этикету, который потом распространился вплоть до пост-византийского Кипра.

Иногда процессы, которые шли в провинции, определяли то, что потом находило развитие в столице, а иногда одна

провинция влияла на другую, через голову Константинополя. В последнее время важной темой в изучении Византии, особенной ранней, стала проблема регионализма. На уровне зодчества, литургической планировки и архитектурной декорации ее пытается решить в своей статье Филипп Нивёнер. Он показывает, что в этой области провинции находились даже под меньшим влиянием центра, чем в политическом, а локальные метрополии были для провинциальных городов важнее, чем Рим или Константинополь. Как оказывается, такой подход позволяет по-новому посмотреть даже на такую проблему, как начало иконоборчества.

Тема взаимосвязи и взаимодействия Константинополя и провинций находится в центре статьи Андрея Виноградова. Автор предпринимает попытку продемонстрировать, как тип крестово-купольного триконха, попав, вероятно, из позднеантичной архитектуры в омейядские дворцы, повлиял затем на константинопольские постройки императора Феофила, а те, в свою очередь, — на храмовое зодчество Малой Азии, Балкан и даже Руси. Так удастся проследить весь путь от парадного зала римской виллы до стандартного афонского кафоликона.

Та же тема, но совсем на другом материале, раскрывается в статье Анны Захаровой, посвященной влиянию Константинополя на каппадокийскую монументальную живопись X века. Обычно исследователи столичного искусства не нисходят до грубых провинциальных фресок, а ученые, занимающиеся искусством Каппадокии и осознающие его более скромный уровень, концентрируются на изучении иконографии. Здесь же, напротив, предпринята попытка показать, как сменяющие друг друга художественные стили столицы последовательно отражались в пещерных церквях Каппадокии, которые, в свою очередь, становились местными образцами для подражания.

Каппадокийскую тему подхватывает статья Толги Уяра, но уже в контексте XIII века — эпохи сельджукского господ-

ства в Малой Азии. На примере скромной по размеру пещерной церкви Безирана Килисе автор старается понять, как конструировалась идентичность местных греков под властью мусульман. Для этого в статье использован язык новейших направлений искусствоведения, еще мало знакомый отечественному читателю.

В статье Михалиса Каппаса фокус исследования нацелен также на провинцию, но не рядовую — на Фессалонику, второй по значению город империи. Искусно лавируя между Сциллой «идеального» константинопольского зодчества и Харибдой «элладской школы», автор приводит читателя к важному и новому выводу — конечно, средне- и поздневизантийская Фессалоника испытывала влияние столицы, но перерабатывала его в рамках собственных архитектурных традиций и сама становилась источником заимствований для Северной Греции и, шире, Балкан вообще.

Так как настоящая книга посвящена во многом визуальной культуре Константинополя и провинций, ее сопровождают многочисленные рисунки и фотографии. Все они имеют новую нумерацию в каждой статье: черно-белые обозначены как «рис.» и размещены в тексте, а цветные — как «илл.» и вынесены на отдельную вклейку. Подписи к иллюстрациям отражают авторский замысел.

Перед тем как дать слово самим авторам, хотелось бы подчеркнуть, что и конференция, и сборник изначально задумывались как междисциплинарные, объединяющие усилия специалистов в различных областях византийской цивилизации: истории, литературы, архитектуры, живописи, литургики. Каждый из них под своим углом зрения попытался посмотреть не только на проблему взаимоотношений Византия и Византии, Константинополя и провинции, но и на вопрос о том, насколько всегда столичный был Константинополь и насколько локальные центры сами могли претендовать на его роль. Удалось ли увидеть им что-то новое в этой необъятной теме, судить читателю.

Пол Магдалино

КАППАДОКИЯ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ В VI В.

В настоящей работе исследуется частный случай регионализма в Византии. Многие регионы Византийской империи в настоящее время довольно хорошо изучены, как в рамках *Tabula Imperii Byzantini*, так и в других прекрасных исследованиях по исторической географии. Однако история византийского регионализма пока еще не написана. Регионализм можно определить как культивацию локальных идентичностей и общностей в рамках надрегионального, национального или имперского государства. Он может выражаться в форме политического сепаратизма и отделения, например, в случае Гражданской войны в США или движения за независимость Каталонии в 2017 году. Однако регионализм прекращает существовать, когда политическое отделение становится полным и окончательным. Он мыслим только в централизованной парадигме, в той системе координат, где наличествуют центр и периферия. Обратной стороной медали регионализма — это, в сущности, национализм или империализм: первый предполагает второй и поляризует то напряжение, которое его активизирует и подпитывает. Подобно тому, как национализм и империализм проявляются в навязывании центром себя периферии, регионализм выражается в при-

менении обратного давления, посредством солидарности региональных элит, которые проникают в институты центрального правительства и воздействуют на них.

В своем исследовании я рассмотрю каппадокийский регионализм, который я понимаю в широком географическом смысле, как Каппадокию обозначали сами византийцы, – территория анатолийского плато, простирающаяся от озера Туз Гель до Евфрата и отделенная от моря Понтийскими горами на севере и горами Тавра на юге¹. В административном отношении она соответствовала поздне-римским провинциям Каппадокия I–II и Армения II–III и средневизантийским фемам Каппадокия, Харсиан, Ликанд, Севастия, Колония и Мелитена. При таком определении Каппадокия оказывается одним из крупнейших и наиболее значимых регионов Восточной Римской империи до ее завоевания турками в конце XI в. Это была родина отцов-каппадокийцев, создателей православного богословия, которые увековечили местные реалии в своих трудах. Гробница свт. Василия Великого в Кесарии стала одним из главных мест паломничества в Малой Азии.

В Каппадокии было сконцентрировано необыкновенно много императорских имений, которые до конца VI в. составляли особую административную единицу – *domus divinae per Cappadociam*. Эти имения, без сомнения, использовались в основном для разведения больших табунов лошадей, которыми всегда славилась Каппадокия. Каппадокийские кони и другие ресурсы региона, а также его положение на пути из Константинополя в Антиохию

¹ Мои общие наблюдения над историей античной и византийской Каппадокии основываются на следующих работах: *Hild F., Restle M. Cappadokien (Tabula Imperii Byzantini; 2)*. Wien, 1981; *Van Dam R. Kingdom of Snow. Roman Ruler and Greek Culture in Cappadocia*. Philadelphia, 2002; *Métivier S. La Cappadoce, IVe–VIe siècle: une histoire provinciale de l'Empire romain d'Orient*. Paris, 2005; *Cooper J. E., Decker M. J. Life and Society in Byzantine Cappadocia*. Basingstoke – New York, 2012.

сделали Каппадокию важнейшим коммуникационным и логистическим узлом империи в ее войнах с Сасанидской Персией. Ее стратегическое значение несколько не уменьшилось, когда сменившие персов арабы завоевали все восточные провинции империи до гор Тавра и долины верхнего Евфрата, включая Мелитину. С середины VII в. до середины X в. Каппадокия была наиболее активной пограничной зоной империи, а после этого — главным плацдармом для византийской реконквисты Киликии и Северной Сирии. В таком качестве Каппадокия была питательной почвой для значительной части военной аристократии, которая оказала сильное влияние на политику империи в X в. и в лице Никифора II Фоки (963–969) и Иоанна I Цимисхия (969–976) на краткое время заняла императорский престол¹.

Нет сомнений, что именно с военной элитой X в. регионализм в Каппадокии достиг своего пика и очень сильно повлиял на константинопольское общество, получив краткое превосходство над другими регионализмами, различимыми в то время при императорском дворе, например, общностью евнухов-пафлагонцев, наполнявших императорский дворец². Каппадокийская элита X–XI вв. производит сильное впечатление на современных исследователей также благодаря сохранности большей части своего культурного наследия в виде скальной архитектуры региона и героических сказаний «Дигениса Акрита», которые каппадокийская аристократия принесла с собой в Константинополь, когда оказалась вытеснена со своей родины турецким

¹ *Cheyne J.-C.* Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). Paris, 1990. P. 213–227.

² *Magdalino P.* Paphlagonians in Byzantine High Society // *Byzantine Asia Minor (6th–12th cent.)* / Ed. St. Lampakis. Athens, 1998. P. 141–150. Об «элладском» регионализме в тот же самый период см.: *Anagnostakis I.* Byzantium and Hellas // *Heaven and Earth. Cities and Countryside in Byzantine Greece* / Ed. J. Albani, E. Chalkia. Athens, 2013. P. 15–29.

завоеванием¹. Однако связь между императорской властью и каппадокийской элитой начинается не с героического милитаризма сообщества восточных границ и не с «византийской эпопеи» X в. Она восходит к периоду до арабских завоеваний, вероятно, еще к IV в., когда узурпатор Прокопий использовал свои каппадокийские связи в попытке отнять власть у императора Валента². Что точно известно, так это то, что первым каппадокийцем, ставшим императором, был Маврикий, восшедший на престол в 582 г.³

Новаторство этого тезиса почти не получило отражения в современной науке, но его значение трудно переоценить. Очень важно, откуда происходили императоры, равно как и тот факт, что никогда прежде не упоминалось их каппадокийское происхождение. Этот момент ярко иллюстрирует одна из повестей «Луга духовного» Иоанна Мосха (гл. 112). Иоанн вспоминает посещение Великого оазиса в Египте в правление предшественника Маврикия — Тиберия II. Там он вместе со своими спутниками встретился с иноком Львом «родом из Каппадокии... Достопочтенный старец сказал им: “Поверьте, чада, я буду царствовать”. Они отвечали ему: “Что ты говоришь, авва? — Поверь нам, из Каппадокии не было ни одного царя. Понапрасну ты питаешь такие мысли”»⁴. Конечно, святой говорил метафорически и намекал на свою будущую мученическую кончину от рук варваров, но Мосх, оглядываясь назад, не мог

¹ Об архитектуре см.: *Ousterhout R. G. Visualizing Community. Art, Material Culture and Settlement in Byzantine Cappadocia. Washington D.C., 2017. Издание и перевод «Дигениса» см. в: Jeffrey E. Digenes Akritis. Cambridge, 1998; комм. см. в: Beaton R. Cappadocians at court: Digenes and Timarion // Alexios I Komnenos / Ed. M. Mullett and D. Smythe. Belfast, 1996. P. 329–338.*

² *Cooper J. E., Decker M. J. Op. cit. P. 214–215.*

³ О биографии императора, источниках и событиях, произошедших в период его правления, см.: *Whitby M. The Emperor Maurice and his Historian. Oxford, 1988.*

⁴ PG 87, 2976; русский перевод дан по изданию: Луг духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха / Пер. с греч. прог. М. И. Хитрова. Сергиев Посад, 1915. Троицкая библиотека, кн. 1, репринт. М., 1991.

не увидеть здесь отсылки к скорому воцарению Маврикия. Все предшественники Маврикия на константинопольском престоле, за одним исключением, были выходцами из европейских провинций империи или из самого Константинополя, и их подавляющее большинство, начиная с самого Константина и заканчивая предшественником Маврикия Тиберием II, который и назначил его императором, происходило из балканских и дунайских земель¹. Единственным исключением был исавриец Зинон, который стал императором почти по умолчанию, так как его ввел в императорскую семью Лев I, чтобы заручиться поддержкой неуправляемого военизированного провинциального сообщества в Южной Анатолии и чтобы противостоять влиянию других варварских группировок в римской армии. Почему же тогда Маврикий из Арабисса в Армении III был выбран в 582 г. преемником Тиберия II? Случилось ли это благодаря или вопреки его каппадокийскому происхождению? Вначале мы должны отметить два момента, которые недавно были выявлены Д. Фейсселем². Во-первых, воцарение Маврикия не было чем-то предрешенным. Существуют убедительные указания на то, что Тиберий II умер, так и не сделав выбор между Маврикием и другим своим зятем — Германом, которого он также возвел в сан цезаря. Герман был сыном патрикия Юстиниана и, следовательно, кровным родственником императорской династии Юстина I, Юстиниана I и Юстина II³. Это позволяет объяснить другой важный момент, который выявил Фейссель: Маврикий претендовал на римское и западное происхождение⁴. Согласно

¹ См. статьи о Константине I, Валенте II, Маркиане, Льве I, Зиноне, Анастасии I, Юстине I, Юстиниане I, Тиберии II в: *Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1–3. Cambridge, 1971–1992.*

² *Feissel D. Trois notes sur l'empereur Maurice // Mélanges Cécile Morrisson (Travaux et mémoires; 16). Paris, 2010. P. 253–272.*

³ *Ibid. P. 258–267.*

⁴ *Ibid. P. 253–258.*

современному источнику, явно симпатизирующему Маврикию и потому, без сомнения, отражающему пропаганду самого императора, хотя непосредственные предки Маврикия поселились в Арабиссе, он возводил свое происхождение и свое имя к древнему Риму¹. Фейссель также обращает внимание на прошение к Маврикию от западных защитников «Трех глав», где авторы, подчеркивая роль императора Маркиана на Халкидонском Соборе, называют его «предком Вашего благочестия»². Как объясняет Фейссель, это может означать только то, что Маврикий претендовал на происхождение от брака дочери Маркиана Евфимии с Анфимием, одним из последних императоров Запада. Правда это или ложь, но такая генеалогия явно позволила Маврикию противопоставить династическим притязаниям его соперника Германа еще более прославленную родословную, которая маскировала безвестность его родного каппадокийского города.

Маловероятно, однако, что притязания Маврикия на римское происхождение были тем, что перевесило чашу весов в его пользу и то ли заставило выдвинуть его в последний момент, то ли, как утверждает один источник, убедило Германа отступить³. Важнее был, вероятно, тот факт, что на момент смерти Тиберия Маврикий был *comes excubitorum*, командиром дворцовой гвардии — отряда, которым командовал перед собственным избранием сам Тиберий⁴. Также можно отметить, что основатель юстиниановской династии

¹ *Evagrius. Ecclesiastical History* / Ed. J. Bidez, L. Parmentier. London, 1898. P. 214 (V. 19).

² *Acta Conciliorum Oecumenicorum. IV, 2* / Ed. E. Schwartz, J. Straub. Leipzig, 1971. S. 134; *Feissel D. Trois notes...* P. 254–255.

³ *Charles R. H. The Chronicle of John, Bishop of Nikiu, Translated from Zotenberg's Ethiopic Text*. London, 1916. P. 151 (XCIV, 25); *Feissel D. Trois notes...* P. 260.

⁴ *Theophylactus Simocatta. Historia* / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1887. P. 132, 142 (III. 11, 4, 15, 10); *Iohannis Ephesini historiae ecclesiasticae pars 3* / Ed. E. Brooks. Louvain, 1936. P. 234, 250 (VI. 14. 27); *Theophanes. Chronographia* / Ed. C. de Boor. Leipzig, 1883. P. 247; *Mango C., Scott R. The Chronicle of Theophanes Confessor*. Oxford, 1997. P. 367.

Юстин I занимал ту же самую должность и использовал ее как трамплин во власть в 518 г.¹ Несомненно, способствовало и то, что с 578 по 582 гг. Маврикий провел ряд преимущественно успешных военных кампаний против персов². Однако он не всегда был военным. Перед своим назначением главой экскувиторов он служил у Тиберия нотарием, — это предполагает, что он изначально работал в гражданской администрации³. Современный его правлению текст — «Житие патриарха Евтихия», написанное пресвитером Евстратием, дает интересный взгляд на тот тип административной среды, в которой он начинал свою карьеру⁴. После своего низложения с патриаршества в конце правления Юстиниана, Евтихий вернулся на пост игумена в свой монастырь в Амасии. Среди многих доказательств его святости, о которых автор свидетельствует, как член этой общины, было то, что он предсказал восшествие на престол и Тиберию, и Маврикию. Точно так же, еще будучи патриархом, Евтихий предрек, что Юстин II будет наследовать Юстиниану⁵. Вот рассказ о его предсказании касательно Маврикия:

«За 18 лет до его воцарения, когда преподобный пребывал в своем монастыре, случился государственный переворот, и чиновники в провинции Понт (то есть агенты и экс-акторы фиска, а также уполномоченные Модератианского разряда) все пришли из города Арабисса: многие из них были и остаются родственниками вернейшего императора. И вот по обычаю пришли они к блаженному, чтобы полу-

¹ Петр Патрикий в *De cerimoniis* I. 93; пер. см. в: *Moffatt A., Tall M. Constantine Porphyrogenetos, The Book of Ceremonies. Vol. 1–2. Canberra, 2012. Iohannes Malalas. Chronographia / Ed. H. Thurn. Berlin — New York, 2000. P. 336 (XVII. 1).*

² *Феофилакт Симокатта. История* III. 15, 13 — 16, 2; 17, 3–11; *Иоанна Эфесский. Церковная история* 3. VI. 14–17, 27, 34–35; *Whitby M. The Emperor Maurice... P. 268–274.*

³ *Иоанн Эфесский. Церковная история* 3. VI. 27; *Whitby M. The Emperor Maurice... P. 5–7.*

⁴ *Eustratii Presbyteri Vita Eutychii Patriarchae Constantinopolitani / Ed. C. Laga. Turnhout, 1992.*

⁵ *Ibid. P. 60–63.*

чить от него великие благодеяния. И как часто случается на таких встречах, кто-то славил одну провинцию, а кто-то — другую область. Итак, когда произносились такие вот разные речи, великий человек Божий сказал им ласково — пусть никто не посчитает его речь льстивой — и вознес хвалу городу Арабиссу. Хотя это казалось нам и приехавшим оттуда людям сказанным ради приятной встречи, случившееся показало цель его слов. Что же именно и как было предсказано божественным мужем? Всякий раз когда упоминал он о городе Арабиссе, то говорил ласково, что слышали и мы, и чиновники, приехавшие оттуда: «Велик ваш город, и потому сказано про него: “Из Назарета может ли быть что доброе?” (Ин. 1,46) И он не сказал: “я говорю”, чтобы показать себя не высоким, но смиренным»¹.

Евстратий продолжает рассказывать, как Евтихий открыл смысл пророчества годами позже, когда все обсуждали, кто будет преемником Тиберия, и имя Маврикия возникло в списке возможных кандидатов.

Помимо сюжетных деталей этого пророчества, настоящий отрывок интересен в данном контексте из-за четырех моментов: во-первых, акцента на региональном происхождении Маврикия; во-вторых, наблюдения, что различия и сравнения регионов были обычной темой для разговоров; в-третьих, сравнения Арабисса и Назарета; в-четвертых, что самое замечательное, того света, который он проливает на региональные модели назначения и продвижения по карьерной лестнице в провинциальной администрации префектуры Востока VI в. Если мы верим Евстратию (а он был очевидцем), то весь фискальный аппарат провинции Понт или, по крайней мере, его высший эшелон, был набран из одного города в провинции Армения III. Отражает ли этот факт сложившуюся процедуру, или это был единственный случай, как можно предположить из прозрачного намека на административную реорганизацию — вероятно, в свя-

¹ Ibid. P. 61–62.

зи со смертью Юстиниана в 565 году? В любом случае, мы можем с полным основанием заключить, что это отражает, с одной стороны, тенденцию не назначать фискальных чиновников в их родные земли, а, с другой стороны, покровительство какого-то высокопоставленного чиновника, который заботился об интересах элиты Арабисса и был способен найти им прибыльные должности в ведомстве фиска. Если этим покровителем был не сам Маврикий, который, возможно, был слишком молод в 564/5 г., то им мог быть тот, кто помогал продвижению Маврикия и кого мы можем представить как каппадокийского бюрократа старшего поколения. Это приближает нас к временам правления Юстиниана, когда вся фискальная администрация Малой Азии контролировалась префектом претория родом из Кесарии — пресловутым Иоанном Каппадокийским¹. Мы можем тут вспомнить жалобу Иоанна Лида, что его родная Лидия была разрушена поборами другого каппадокийца, которого назначил префект Иоанн². Возможно, что набор налоговых чиновников из Арабисса был правилом в этот период, и фиск постоянно пополнялся каппадокийскими кадрами, которые пережили опалу Иоанна. Хотя это лишь предположение, «Житие Евтихия» несомненно подтверждает, что плотная сеть функционеров из Каппадокии, и особенно из Арабисса, существовала все то время, пока Маврикий рос в чинах на службе у Тиберия. Сложно не связать между собой два этих факта и не предположить, что среди факторов в пользу Маврикия, которые учитывались Тиберием и которые дали ему преимущество над его соперником за престол, были региональная солидарность его сторонников в провинциальной администрации Малой Азии.

¹ Его печальная известность сложилась благодаря уничтожительной характеристике Иоанна Лида (О магистратах III. 57–76), пер. см. в: *Bandy A. Ioannes Lydus, On Powers. Or, The Magistracies of the Roman State. Philadelphia, 1983. P. 220–257. О его карьере в целом см.: Tate G. Justinien, l'Épopée de l'Empire d'Orient. Paris, 2004. P. 354–356, 365–391.*

² Иоанн Лид. О магистратах III. 58–61.

Итак, если Маврикий пришел к власти, пусть и отчасти, благодаря силе регионализма, то в чем же состояла его благодарность? Что он сделал для своей родины и ее жителей? Самое яркое свидетельство — это то, как он последовал примеру предыдущих императоров и, прежде всего, недавнему памявному прецеденту Юстиниана¹ и повысил статус своего родного города до уровня местной митрополии. Его реконструкция Арабисса не привлекла того внимания, какое современные исследователи посвятили Юстиниане Прима², но точное описание современника — сирийского церковного историка Иоанна Эфесского, показывает, что это был равный по амбициозности урбанистический проект³. Согласно ему, повышение статуса родного города было главной заботой Маврикия. Император собрал артель высококлассных мастеров из разных мест и разместил отряд солдат, чтобы охранять их. Его первой, приоритетной задачей было разобрать местную церковь и перестроить ее в грандиозном масштабе, с изысканными украшениями, для чего он предоставил золотые и серебряные сосуды, роскошные ткани и части большого кивория, которые собрали на месте. Затем он приказал построить огромную больницу (ксенодохий) с величественными корпусами, административное здание (названное димосием, но, вероятно, это был преторий), протяженные портики, просторные базилики и мощную городскую стену. Эти расходы вызвали много пересудов среди людей, которые недоумевали, как император, которого обвиняли в недостаточном финансировании армии, когда великие и мощные города были захвачены и разрушены варварами, мог так щедро тратиться на перестройку «города, не имевшего никогда никакого значения

¹ Прокопий Кесарийский. О постройках IV. 1.

² См.: *Ivanišević V. Caričin Grad Justiniana Prima. A New-Discovered City for a «New» Society // Proceedings of the 23rd International Congress of Byzantine Studies. Belgrade, 22–27 August, 2016. Plenary Papers. Belgrade, 2016. P. 107–126.*

³ *Иоанн Эфесский. Церковная история 3. V. 22.*

и ценности для римского государства». За два года, пока шло строительство города, он был полностью разрушен мощным землетрясением, которое затронуло весь Восток и сравняло с землей все здания в Арабиссе — и старые, и новые. Но хотя император был глубоко подавлен случившимся, полагая, что разрушение может быть знаком Божьей немилости, он не сдался, и во время написания хроники Иоанна Эфесского все строительные бригады были на месте и ждали приказа возобновить работу¹. Один поздний сирийский источник сообщает, что город был заново построен еще роскошней, только чтобы быть уничтоженным следующим землетрясением².

Поскольку Маврикий внес столь большой вклад в благосостояние своей родины, логично предположить, что он давал привилегии ее жителям при назначении на государственные должности как в Каппадокии, так и за ее пределами. Когда Тиберий II назначил его главнокомандующим на восточном фронте, его первым действием было набрать солдат из римского населения его родной Каппадокии³. Многие из них должны были подняться по службе во время его двадцатилетнего правления. До и после того, как он стал императором, он вряд ли мог отказаться от поддержки, расширения и продвижения сети провинциальных чиновников из Арабисса, описанной в «Житии Евтихия». Трудно поверить и в то, что его друзья, соседи и дальние родственники в данной местности не получили никаких выгод от того необыкновенного расположения, которое он оказывал своей собственной семье. Еще до своего воцарения он обеспечил назначение собственного племянника Домитиана на должность митрополита Мелитины; во время правления Маврикия Домитиан играл ведущую роль в политических,

¹ Ibid. P. 208.

² Михаил Сириец, Хроника X. 21; пер. см. в: Chabot J.-B. Chronique de Michel le Syrien, patriarche Jacobite d'Antioche. T. II. Paris, 1904. P. 359.

³ Иоанн Эфесский. Церковная история 3. VI. 14.

а также религиозных делах восточных приграничных регионов¹. Маврикий назначил своего брата Петра и его зятя Филиппика командовать воинскими частями и на восточном, и на западном фронтах². Он перевез своих родителей и всех своих братьев и сестер в Константинополь и поселил их с большим удобством в великолепных дворцах с огромными доходами, сделав собственного отца председателем сената. Иоанн Эфесский добавляет, что он также даровал просторные императорские дома другим своим родственникам, которых обогатил и продвинул до важных званий и должностей³.

В своей биографии Маврикия М. Уитби посвящает лишь одно предложение императорскому благоволению своей семье, которое он характеризует следующим образом:

«Как и большинство императоров, Маврикий, естественно, продвигал своих родственников, которым его воцарение, конечно, представило возможность для значительного обогащения; такое покровительство вызвало ревнивые отклики, но оно не подорвало социальную структуру Восточной империи, которая всегда была достаточно гибкой, чтобы позволить гражданскому или военному успеху быть вознагражденным значительным повышением статуса соответствующей семьи»⁴.

Другими словами, это не было чем-то особенным и это не мешало императору выполнять свою работу должным образом. Тем не менее, есть много оснований полагать, что продвижение семьи Маврикия было воспринято как превышение нормы и вызвало сильное недовольство, что способствовало его падению. Во-первых, Маврикий со своей женой Констанцией⁵ заметно пополнил ядро императорской семьи девятью детьми. Это сделало его первым им-

¹ *Whitby M.* Op. cit. P. 14.

² *Ibid.* P. 15; о Филиппике см. также: *Feissel D.* Trois notes... P. 257.

³ *Иоанн Эфесский.* Церковная история 3. V. 18.

⁴ *Whitby M.* Op. cit. P. 14.

⁵ *Chronicon Paschale* / Ed. L. Dindorf. Bonn, 1832. P. 693.

ператором со времен Льва I, родившим ребенка во время правления, первым после Аркадия, у которого было более одного ребенка, и первым со времен Констанция Хлора, у кого было так много детей. Что его плодовитость не сделала его популярным, ясно из народного восстания, когда партии цирка скандировали некие стихи, высмеивающие его сексуальную ненасытность¹. Что его многочисленные дети воспринимались как бремя для государства, кажется очевидным из инцидента во время войн с аварами: после победы над врагом имперский полководец Приск вызвал мятеж тем, что определил большую часть добычи императору и его детям, «вывезя большую часть добычи из-за большого царского потомства»². Во-вторых, Маврикий чествовал свою провинциальную семью такими способами, которые заставляли хмурить брови старую константинопольскую элиту. Как мы видели, он сделал своего отца председателем сената. По словам Феофана, он похоронил отца в церкви Святых Апостолов и сделал то же самое для своего племянника Домитиана, митрополита Мелитинского, умершего вскоре³. Сам факт того, что Феофан или его источник решили упомянуть эти захоронения, предполагает, что они казались неоднозначными и считались неуместными там, где хоронили императоров и патриархов.

Конечно, дорогостоящее и пышное ублажение Маврикием своей семьи было совсем не беспрецедентным, но, как и восстановление им Арабисса, оно выглядело несвоевременным в стесненных обстоятельствах конца VI в., потому что явно противоречило провозглашенной императором программе сокращения общественных расходов⁴. Наиболее печально и фатально было то, что Маврикий стремился урезать жалование войску, требуя при этом увеличения

¹ Феофан. Хронография 283.

² Феофилакт Симокатта. История VI. 7, 6.

³ Феофан. Хронография 271, 284.

⁴ Иоанн Ефесский. Церковная история 3. V. 20; Иоанн Никейский. Церковная история XCV. 21–22; *Whitby M. Op. cit. P. 18–19.*

военной активности, включая зимние кампании к северу от Дуная. Его новые требования такого рода в 602 г. послужили толчком к восстанию, свергнувшему его режим¹. Однако армия, которая шла на Константинополь под предводительством Фоки, не преуспела бы, если бы не получила широкой поддержки внутри Города, особенно со стороны партий цирка². Повернулся ли Константинополь против Маврикия только из-за его жесткой финансовой политики и отмены «многих обычаев», связанных с распределением правительственных щедрот?³ Или это случилось и потому, что его происхождение не воспринималось как соответствующее его претензиям, потому, что его считали чужаком, навязавшим свою провинциальную семью и свои региональные связи казне римского государства? Без сомнения, не случайно то, что старый соперник Маврикия Герман, коренной константинополец, снова выступил на этом сломе в качестве приемлемой альтернативы⁴.

Но в реальности ею оказался другой чужак — Фока, который был избран предводителем мятежной балканской армии и который одержал победу, сместив и казнив Маврикия и его семью. Означает ли это, что каппадокийскому регионализму Маврикия пришел на смену балканский регионализм предыдущих императоров? Совершенно не ясно, был ли Фока или избравшие его солдаты уроженцами балканских провинций, поскольку многие части, сражавшиеся с аварами, были переброшены с восточного фронта после заключения мира с Персией. Один более поздний византийский текст, «Патрии», даже упоминает Фоку как кап-

¹ *Феофилакт Симокатта*. История III. 1–2; VI. 10, 1–3; VII. 1; VIII. 5–7. Кроме того, Маврикий потерял популярность, когда отказался выкупить пленников, взятых аварами (Феофан. Хронография 280).

² *Феофилакт Симокатта*. История VIII. 7, 8 — 11, 6; *Whitby M.* Op. cit. P. 24–27.

³ *Иоанн Ефесский*. Церковная история 3. V. 20.

⁴ *Феофилакт Симокатта*. История VIII. 8, 3 — 10, 4; см.: *Feissel D.* Trois notes. P. 266–267.

падокийца¹. Так это или нет, данная информация, по крайней мере, отражает изменение парадигмы, произошедшее с воцарением Маврикия: Каппадокия по умолчанию стала провинцией, откуда происходят императоры, родившиеся за пределами Константинополя. То же самое можно заметить и для следующего императора, Ираклия, которого египетский историограф Иоанн Никиусский также считал уроженцем Каппадокии². Царствование Ираклия приближает нас к исламскому завоеванию Востока, благодаря которому Каппадокия приобрела новое стратегическое значение как наиболее чувствительная пограничная зона Римской империи, а ее военная элита оказалась на переднем краю военных действий империи. Так начался золотой век византийской Каппадокии.

¹ Patria III. 13, 184 (*Preger Th. Scriptores originum Constantinopolitanarum*. Vol. II. Leipzig, 1907. P. 218, 273).

² *Иоанн Никиусский*. Церковная история СІХ. 2; см.: *Caegi W. Heraclius, Emperor of Byzantium*. Cambridge, 2003. P. 21.

Альбрехт Бергер

«ПЕРЕРАБОТКА» КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Использование спойл, т. е. архитектурных деталей, взятых из более ранних построек, было весьма обычным в византийской архитектуре. Эта практика существовала в Константинополе с самого его начала, но стала гораздо более распространенной начиная с кризиса VII в. из-за общего недостатка ресурсов и недоступности каменоломен в потерянных регионах Востока и Балканского полуострова.

В ранневизантийский период для важных общественных зданий, возводимых на средства государства, обычно использовались новые архитектурные детали, в то время как спойли регулярно использовались в зданиях практического назначения, таких как цистерны, перекрытые сводами на колоннах. То же самое касается и зданий более скромных размеров, таких как церкви, возведенные частными лицами или ограниченными в средствах общинами.

Хороший пример этого — Святая София в своем современном состоянии¹: большая часть современной церкви сохраняется такой, как она была построена в середине VI в.

¹ См.: *Mainstone R.* Hagia Sophia. Architecture, Structure and Liturgy of Justinian's Great Church. London, 1988; *Mark R.* Hagia Sophia from the Age of Justinian to the Present. Cambridge, 1988; *Виноградов А. Ю., Захарова А. В., Черноглазов Д. А.* Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников. СПб., 2018.

Единственные споллии, использованные здесь, — это восемь больших порфировых колонн в первом ярусе¹. Каменоломни порфира в Египте прекратили действовать уже давно, и весь доступный порфир брался либо со складов строительных материалов, либо из разобранных старых зданий². Это отражено даже в так называемой «Повести о Святой Софии», тексте конца IX или начала X вв., который описывает ее постройку Юстинианом в форме легенд, изобилующих фантастическими деталями. В самом начале мы читаем:

«Также он написал и стратигам, и сатрапам, и судьям, и сборщикам налогов по всем фемам, чтобы все они искали, какие найдут, колонны, столпы, плиты, абаки, алтарные преграды и прочий материал, пригодный для возведения храма. Все получившие от него такой приказ [брали их] из языческих храмов, старых бань и домов и присылали императору Юстиниану на плотях изо всех фем востока и запада, севера и юга и со всех островов»³.

Однако после этого утверждения текст больше не говорит ничего о повторно использованных материалах, как не упоминает и здания, откуда споллии могли быть взяты, за исключением порфировых колонн, которые действительно представляют собой споллии. Утверждается, что они происходят из Рима — что может быть правдой — а именно из большого храма Солнца императора Аврелиана, что не может быть проверено и скорее неправдоподобно⁴.

Самое позднее с IX в. в византийских источниках порфир называется «римским камнем»⁵. Причина этого не

¹ См.: *Mainstone R.* Op. cit. P. 189, 267.

² См.: *Asutay-Effenberger N., Effenberger A.* Die Porphyrsarkophage der oströmischen Kaiser: Versuch einer Bestandserfassung, Zeitbestimmung und Zuordnung. Wiesbaden, 2006. S. 49–51.

³ *Scriptores originum Constantinopolitanarum. Vol. I / Ed. Th. Preger: Lipsiae, 1901. P. 74–108 (2, l. 1–9; далее — Diegesis).* Цит. по: *Виноградов А. Ю., Захарова А. В., Черноглазов Д. А.* Храм Святой Софии... С. 399.

⁴ *Diegesis 2, l. 10–15.*

⁵ *Asutay-Effenberger N., Effenberger A.* Op. cit.

только в его символическом значении как любимого камня римских императоров, но и в том, что большая его часть попала в Константинополь в ранневизантийский период из Рима, а не из Египта. Перемещение императорского камня с запада на восток поддерживало популярную идею о том, что Константин Великий перенес центр римской державы с запада на восток, забрав с собой сенаторов и прочую аристократию, ремесленников и строительные материалы¹. Как результат, местная легенда приписывает римское происхождение практически каждому предмету из порфира в Новом Риме.

Вскоре после эпохи Юстиниана, в начале VII в., строительная активность в Константинополе и во всей империи практически иссякла из-за глубинного политического кризиса и возобновилась только при Константине V в середине VIII в.² В Константинополе не зафиксировано практически никакой строительной деятельности, за исключением сооружения двух парадных залов в Большом дворце, укрепления морских стен и установки цепи через Золотой рог в ожидании арабской осады в 717–718 гг.³ Этот процесс укрепления стен хорошо заметен на южном берегу под Дворцом. Там сохранилась кладка из старых карнизов, на которых все ещё видны монограммы Юстиниана и Феодоры (рис. 1). Это означает, что как минимум несколько роскошных зданий VI в. к тому времени было уже в руинах⁴.

¹ Этот сюжет развивается от краткой ремарки у Созомена (Церковная история 2. 3. 4), до Иоанна Малалы (Хроника 13. 7), и Гесихия Иллистрия (гл. 42; *Scriptores originum Constantinopolitanarum...* P. 1–18) и, наконец, до развернутой истории в *Patria (Scriptores originum Constantinopolitanarum...* Vol. II), 1. 44; 1. 63–67.

² *Magdalino P. Constantine V and the Middle Ages of Constantinople // Idem. Studies on the History and Topography of Byzantine Constantinople. Aldershot, 2007 (No. IV).*

³ *Patria* 3. 130; 157; см. также: *Guiland R. La chaîne de la Corne d'Or // Έπετηρίς Έταιρείας Βυζαντινών Σπουδών. 1955. Vol. 25. P. 88–120.*

⁴ *Mamboury E., Wiegand Th. Die Kaiserpaläste von Konstantinopel zwischen Hippodrom und Marmara-Meer. Berlin, 1934. S. 1–18. Taf. XV–XIX.*

Рис. 1. Морская стена под Большим дворцом
(по: *Mamboury E., Wiegand Th.* Die Kaiserpaläste von Konstantinopel
zwischen Hippodrom und Marmara-Meer. Berlin, 1934. Taf. XV)

Новые постройки из старых материалов в Большом Константинопольском дворце

Когда Константинополь начал медленно возрождаться после «темных веков», многие старые здания были в плачевном состоянии и срочно нуждались в реконструкции. Две главные кампании по их восстановлению зафиксированы для IX в. так называемым Продолжателем Феофана: первая — в правление императора Феофила после 829 г.¹, а вторая — в правление Василия I, после 867 г.² Но если мы

¹ Продолжатель Феофана 3. 42–44 (Chronographiae quae Theophanis continuati nomine fertur libri I–IV / Rec. M. Featherstone, J. Signes-Codoñer. Berlin, 2015. S. 200–210).

² Продолжатель Феофана 5.76–94 (Chronographiae... S. 258–308).